

КОРОЛЕВСКИЙ
АССАСИН

МЕЛИССА ДЕ ЛА КРУЗ

**LIKE
BOOK**

Москва
2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К84

Melissa de la Cruz

THE QUEEN'S ASSASSIN

Copyright © 2020 by Melissa de la Cruz
All rights reserved including the right of reproduction in whole
or in part in any form. This edition published by arrangement with G.P.
Putnam's Sons, an imprint of Penguin Young Readers Group,
a division of Penguin Random House LLC.

Jacket stock photography courtesy
of Getty Images / Westend61 and Shutterstock
Cover design by Kristie Radwilowicz

Перевод с английского *Е. Татищевой*

Художественное оформление *Ю. Девятовой*

Круз, Мелисса, де ла.

К84 Королевский Ассасин / Мелисса де ла Круз ; [перевод
с английского Е. Татищевой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-123144-6

Три века назад к власти в Реновии пришел король, прозванный Тираном. Он создал могучее войско и повелел своим воинам собрать все знания о запретной магии. Полученные знания были названы Деянскими свитками. Способные подарить безграничную власть, они несли смертельную опасность для мира.

Девятнадцатилетний Кэледон Холт – самый опытный ассасин на службе у королевы. Связанный клятвой крови, он должен отыскать свитки, бесследно исчезнувшие после свержения Тирана.

Восемнадцатилетняя девушка по имени Тень с детства упорно тренировалась, чтобы стать наемной убийцей.

Они встретились, чтобы распутать изощренную паутину лжи и секретов и спасти свое королевство.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-123144-6

© Е. Татищева, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО Издательство «Эксмо», 2021

Майку и Мэтти, всегда

ОТРЫВОК ИЗ СВИТКА ОМИНА, 1.2:

Давным-давно, когда все королевства Авантина были едины под крылом великой богини Деи и краем правила могучая династия Деллафиоре, там жил очень дурной человек по имени Фраз.

Хотя у него имелось собственное состояние, Фраз очень завидовал своему двоюродному брату, королю, происшедшему по материнской линии из рода Деллафиоре и обладавшему намного большей магической силой. Эта зависть так разъяела сердце и душу Фраза, что он убил короля и завладел королевской короной.

Захватив власть, он стер всякое упоминание о Деллафиоре, дабы в будущем история Авантина начиналась с него, короля Фраза I.

Но вместо того, чтобы завоевать людские сердца, он прославился как Король Тиран, ибо был жесток, подозрителен и одержим желанием прибрать к рукам всю магию.

Посулив своим приверженцам великие богатства и власть, Король Тиран создал многочисленное и могучее войско и повелел его воинам собрать все до единого оккультные и священные тексты, которые они смогут найти, — от рецептов зелий до магических книг и томов, в коих содержались тайные знания о черной магии и демонах. Из них его наиболее доверенные приближенные составили единую гра-

моту, которая стала известна как Деянские свитки и сделалась единственным источником сведений о магии, ее истории и применении.

Никто в королевстве не имел доступа к этим свиткам, кроме тех, кто их составлял и кто именовал себя афразианцами в честь своего короля. Благодаря им король Фраз познал секреты самой темной магии во вселенной и правил и как король, и как колдун. А орден афразианцев, его магических воинов, получил во владение замок Баэр и мог использовать его как угодно. И афразианцы создали из него аббатство.

Обычным людям было запрещено обращаться к магии, и особенно это относилось к знахаркам и ворожеям, которых почитали великой угрозой власти короля и его людей.

Храбрые ведуньи сберегли столько магических знаний, сколько смогли, и передавали их тайно. Так была основана Гильдия Очага. Поначалу эта Гильдия была просто-напросто тайной организацией, занимающейся сохранением повседневной и бытовой магии, и только позднее она превратилась в общество шпионов и ассасинов.

Оставшиеся Деллафиоре затаились. Утверждали, что их род угас. Они были забыты, как и легенды о магах и демонах.

За трехсотлетнее правление Короля Тирана было множество восстаний против его власти, а после его смерти произошла смута, в результате которой Авантин распался на несколько королевств, борющихся друг с другом за власть: на западе образовалась Реновия, на севере — Монтрис, на юге — Аргония, а на востоке — Ставин.

Аббатство Баэр находилось на западе, и, таким образом, монахи-афразианцы сделались подданными Реновии. Но, хотя им полагалось подчиняться своему королю или королеве, могущество ордена умножилось настолько, что его предводители начали относиться пренебрежительно к своим монархам и действовать по своему усмотрению, к тому же многие из них принадлежали к высшей знати. Афразианцы

считали, что никто им не указ и они могут собирать десятину и вводить налоги по своему произволу. Ходили слухи, что это из-за них Реновия непрерывно воюет со своими соседями, ибо они продают магию тем, кто больше платит, и разжигают вражду, одновременно делая вид, будто они хранят верность короне.

Монахи-афразианцы несколько веков держали в своих руках Деянские свитки, скупно делясь с другими премудростью, которая была ведома им одним, и вынуждая всех остальных обращаться к ним за лечением любых физических и душевных недугов. Они притворялись послушными подданными своих государей, но на деле манипулировали ими по своему хотению.

Так продолжалось, пока потомок Короля Тирана король Эзбан не объехал свои земли и не обнаружил, как жестоко его подданные страдают от высоких налогов и духовного гнета. И тогда он решил, что магия и знания должны принадлежать всем, и поклялся раз и навсегда положить конец террору афразианцев.

Король Эзбан не продолжил линию правления своих предков и, вопреки мнению своих советников, решил не выходить из мирного договора и не нападать на Монтрис в отместку за их выступление против его молодой жены-монтрисианки. Вместо этого он объявил войну афразианцам и обрушился на аббатство Баэр. После продолжительной битвы войско короля одержало верх, но цена этой победы была высока. Король Эзбан сражался самоотверженно и отважно и погиб, отдав свою жизнь за свой народ.

Но, несмотря на его жертву, Деянские свитки так и не были найдены — они пропали вместе с последними представителями ордена афразианцев.

С тех пор вдова Эзбана, королева Лилиана, занимается поисками этих свитков. Они суть единственное собрание знаний о Деянской магии, если не считать тех премудростей, которые передавались Гильдией Очага, а также от матерей к дочерям.

Знания Гильдии являли собою лишь малую часть тех магических знаний, которые содержались в Деянских свитках, и без них королева и королевство Реновия остаются уязвимыми для угроз как из-за пределов страны, так и в ее границах.

Но королева переживает только о стране. Она пойдет на все, лишь бы отыскать свитки, ибо, только обретя их, она сможет защитить свою семью... и спасти свое королевство.

ПРОЛОГ

РЕНОВИЯ

*Период царствования короля Эзбана,
После битвы при Баэре*

— Король умер! Да здравствует королева!

Первой это прокричала дряхлая старуха из деревни Нхаинне, стоящая, сгорбившись, в задних рядах толпы, опираясь левой рукой на потертую клюку. Подняв свободную руку, она показала скрюченным пальцем на дворец и закричала опять, на сей раз громче, хотя ее сиплый голос срывался:

— Король умер! Да здравствует королева!

Поначалу остальные боялись раньше времени говорить о смерти государя, поскольку при предыдущих монархах такие разговоры считались изменой, но старуха прожила слишком долго, чтобы бояться правды. Она подняла свою клюку, ударила ею об землю и возгласила опять так зычно, как только могла:

— Король умер! Да здравствует королева!

Следующим эти слова произнес маленький мальчик, затем их начали повторять другие люди, слова распространялись, набирали силу, словно ветер, перерастающий в ураган. Поначалу они звучали чуть слышно, затем их произнесли многие разом, и так продолжалось, пока все вокруг не начали кричать:

— Король умер! Да здравствует королева!

Это переросло в требование. Жители Реновии желали получить ответы.

Накануне вечером крестьяне высыпали навстречу войску Реновии — оставшимся его воинам, когда те брели по проселочной дороге, возвращаясь домой, оборванные и босые. Их плечи были сгорблены, несмотря на одержанную ими победу, многие помогали шагать своим товарищам, еще более потрепанным, чем они. Воины сообщили, что их любимый король, сражавшийся в битве бок о бок с ними против монахов-афразианцев, был убит.

* * *

Поэтому вскоре после рассвета реновианцы начали собираться на границе Виоллы Рузы, их становилось все больше и больше — все хотели услышать объявление. Солнце уже стояло высоко, но к ним так никто и не вышел. Несомненно, королевский дворец сделает официальное объявление, как происходило всегда, когда монарх умирал, или хотя бы намекнет, что слухи о его смерти верны — и что королевству ничего не грозит. Больше всего реновианцы опасались вторжения войска Монтриса, хотя никто не удивился бы и нападению со стороны Ставина или Аргонии. Всем было известно, что мирные договоры часто нарушаются.

Но люди были встречены молчанием. Белокаменные стены и зубчатые башенки дворца безмолвно и зловеще нависали над собравшимися реновианцами, а королевское знамя Реновии реяло на самом высоком из его шпилей еще долго после того, как солнце зашло за дворец, а затем и за горизонт. Его так и не спустили. Никто не знал, как это понимать: то ли король Эзбан жив, то ли его жена просто не может принять его смерть. Или же ситуация и того хуже — и корону захватили афразианцы?

Наступил новый рассвет, но объявления так и не произошло. Однако вести о гибели короля и поражении афразианцев распространялись от города к городу, от деревни к деревне, и толпы вокруг дворца все росли, росли. Люди стояли перед

его огромными чугунными воротами, они заполнили окружающие поля, ряды скорбящих разрастались, в них вливались сначала десятки людей, потом сотни. Одни прибывали верхом или на повозках, на которых ехали и члены их семей, и их соседи, другие приходили пешком. Они привязывали к дворцовым воротам белые и лиловые тряпицы и приносили из своих садов корзины свежесрезанных цветов — лилий для королевы и сирени для маленькой принцессы — и раскладывали букеты вокруг замка. Их король пожертвовал своей жизнью, чтобы они могли надеяться на лучшее будущее, свободное от гнета ордена афразианцев. И теперь все свои надежды они возлагали на королеву-регентшу и наследницу престола.

Настроение было праздничным и в то же время серьезным и печальным. Все являлись ко дворцу в своих лучших одеждах, и посему в толпе встречались яркие цвета, разные оттенки красного и желтого, среди традиционных белых траурных нарядов. Собравшиеся здесь более походили на богатый цветник, чем на скорбящих. Здесь встречались старые друзья, вокруг родителей бегали дети, играя в догонялки. Как-никак нечасто стольким людям из стольких уголков страны случалось собраться вместе, к тому же у них был повод для празднования: королю удалось наконец разгромить мятежников-афразианцев, хоть победа и досталась Реновии высокой ценой.

Выжившие в битве с удовольствием рассказывали толпе о последних минутах жизни короля Эзбана и его доблести, клянясь, что они видели своими собственными глазами, как их великий король, собственноручно сразив целую вражескую роту, был пронзен мечом на вершине пригорка, когда на небе, провожая его в загробный мир, пламенел великолепный закат. А через несколько секунд после гибели короля убивший его монах-афразианец пал от руки младшего брата короля принца Аласта, который своим сверкающим мечом отрубил предателю голову.

Когда последние афразианцы отступили, бежав в окружающий аббатство лес, те из оставшихся воинов короля, кто не был ранен, собрали своих павших, включая самого короля, по-

грузили их тела на подводы и запрягли в эти подводы немногих лошадей, которых им удалось отыскать.

И теперь этих погибших воинов во главе с убитым королем привезли в столицу, дабы похоронить их в городских катакомбах. Так что все, мимо кого проезжала эта процессия, могли видеть, что король Эзбан в самом деле мертв.

Однако королевский дворец по-прежнему хранил молчание...

* * *

На четвертый день после битвы при Баэре, ближе к вечеру, королева Лилиана наконец отодвинула край портьеры на одном из высоких стрельчатых окон своих покоев. С тех пор, как до нее дошла весть о гибели мужа, она укрывалась здесь, и ее покои стали походить на гробницу, ибо их освещала всего лишь одна свеча. У королевы болела голова. Когда она отодвинула портьеру, в комнату проникло солнце и залило светом мраморный пол. Королева вздрогнула и прищурилась, ожидая, когда ее глаза привыкнут к яркому свету, затем посмотрела на возбужденную толпу внизу. Один из собравшихся что-то кричал, те, кто окружали его, согласно кивали. Он размахивал руками, указывая на дворец.

— Мне надо поговорить с моим народом, Холт, — сказала королева. — Заверь их, что я их законная королева, хотя я и не из Реновии.

С момента, как ее муж повел свое войско на аббатство Баэр, дабы сокрушить мятежных афразианцев, она почти не спала. И не выходила из своих роскошных покоев. Случилось именно то, чего она боялась: ее муж погиб. Она уговаривала его не отправляться в поход самому, но Эзбан сказал, что его воины должны видеть своего короля, что это его долг. Прежде всего он был человеком чести, и его призванием было вести людей за собой. Но теперь его не стало, и ей предстояло как-то жить без него.

Несмотря на свою горе, королева Лилиана держалась с обычным достоинством. Ее черные волосы были заплетены в косы

и уложены в аккуратный узел, а темно-фиолетовое парчовое одеяние свободными складками ниспадало с ее плеч до тuffель. Только ее лицо выдавало усталость — ее глаза, обычно подведенные сурьмой, были сейчас без краски и опухли от слез, смуглая кожа посерела. На ее чайном столике стояли серебряные подносы с нетронутой едой. Она лишь откусила от ломтика хлеба, чтобы убаготворить своих советников, прежде чем приказать им удалиться из королевских покоев.

Всем, кроме одного. Известный в народе как Королевский Ассасин, Кордин Холт был личным советником Эзбана и командующим войсками службы безопасности Реновии — а также самым близким и доверенным другом покойного короля. И посему именно ему было поручено охранять королеву Лилиану, пока король Эзбан находится в походе. И с момента, когда принц Аласт принес во дворец весть о гибели Эзбана, только Холту королева позволяла приближаться к себе.

Как только Аласт вышел из королевских покоев, Холт встал возле их дверей и собрался оставаться на своем посту, пока он будет нужен королеве.

— Холт, я должна с ними поговорить, — сказала она.

— Это слишком опасно, — ответил он, держа руки за спиной и вздернув волевым подбородок. — Если вы выйдете на балкон, ваша жизнь окажется под угрозой. Мы не знаем, кто может стоять там, внизу.

Королева широко раскрыла глаза.

— Вы же сказали мне, что эти клятые мятежники разбиты. Что афразианцам пришел конец.

«По большей части», — подумал он. И, придав своему лицу выражение бесстрастия, осторожно ответил:

— Так оно и есть. Но в королевстве почти наверняка остались те, кто сочувствует им. Так бывает всегда.

Лилиана задернула портьеру, и комната опять погрузилась в сумрак.

— Выходит, мой муж погиб напрасно?

Холт вздохнул и переступил с ноги на ногу, почувствовав некоторую неуверенность, что с ним случалось нечасто.